

К.Б. Серебровская

Я НЕОХОТНО ВСПОМИНАЮ О ВОЙНЕ...

Кира Борисовна Серебровская, главный художник МАЭ. Автор иллюстраций к более чем 60 изданиям. Консультант и оформитель многих тематических выставок. Всю блокаду провела в Ленинграде.

Я неохотно вспоминаю о войне, о блокаде — много можно рассказать, но это так мучительно...

Война началась, когда я окончила пятый класс школы № 43 Октябрьского района. Школьников до седьмого класса нашей школы эвакуировали. Я по семейным обстоятельствам не выехала в назначенный день. А другого дня уже не было...

Учащиеся 7—10-х классов начали ходить в школу 1 сентября, а 1—6-е классы, оставшиеся к городу, были распущены и переводились на «воспитательную работу» при домохозяйствах. Числились мы помощниками бойцов МПВО пожарной команды дома, в котором я жила на Театральной площади, дом 2. Наш пост располагался в бомбоубежище. Оттуда мы по расписанию ходили на дежурства на лестничные клетки и крыши. Нам приходи-

лось тушить зажигательные бомбы. Те, которые удавалось потушить, мы сбрасывали вниз, а если бомбу потушить мы не смогли, ее приходилось зарывать в ящик с песком.

Весной у нас появились новые обязанности, очищать улицы и дворы от накопившихся на них нечистот. Самое тяжелое воспоминание было связано с тем, что приходилось из-под снега и льда вытаскивать трупы людей. А потом мы получили еще задание — обходить квартиры и выявлять умерших и по возможности вытаскивать их на лестничные площадки. Оттуда их забирали бойцы МПВО и отвозили на специальных машинах. Приходилось вместе с дружинницами возить трупы для кремации в специально отведенные места улиц. Такие «погребальные костры блокады» возникали во многих районах города. Один раз я сопровождала машину на Кирпичный завод, печи которого в

первую же блокадную зиму были превращены в крематорий. Сейчас на этом месте находится Московский Парк Победы. С нас взяли расписки о неразглашении тайны крематория на Кирпичном заводе. По сути дела, мы выполняли работу взрослых дружинниц. Зная это, они делились с нами своим пайком и даже хлебом.

Отца не пустили на фронт — был оставлен, как многие архитекторы, на маскировку города. Во время одной из бомбежек пострадал угол Мариинского театра и наш дом. Мы переехали в бомбоубежище АПУ (Архитектурно-планировочное управление), а потом на стационар Союза архитекторов (Герцена, 52).

Все, что пришлось пережить и увидеть, чувствовать и просто жить в те годы, мне кажется, оказало влияние на выбор моей профессии. В 1945 году я поступила в только что открывшееся Высшее художественно-промышленное училище (теперь им. Мухиной) на первый курс. В этом году я отдала свои детские рисунки ныне реабилитированному (после «ленинградского дела») Музею обороны Ленинграда.

Я не вела дневника. Но записи есть. Вот некоторые из них.

Зима 41/42 года

Узнаю весь процесс «архитектуры наоборот» — искусство маскировки. На «стенах»-щитах разрушенных домов рисуют окна и двери, а крыши красят в зеленый цвет (газоны). Между «домами» прокладывают «улицы» — «дорожки» посыпают песком настоящим.

«Сегодня видела, как академик Александр Сергеевич Никольский начал подготавливать целую серию набросков Триумфальной арки для встречи героев, освобождающих Ленинград... Значит, скоро снимут блокаду...»

Май 1942 года

«Бригада моего отца обмеряла Александро-Невскую лавру. Эта работа нужна для будущего нашего города — охрана памятников. Уговорила взять с собой. Самое главное пройти Невский — мало сил! Стояли много в подъездах во время тревог, в бомбоубежище идти нет сил и времени.»

«...В покоях митрополита районный штаб МПВО, в боковых флигелях — госпиталь. Лесов нет — доски сожгли на дрова. Архитекторы работают со стрелянкой. Страхуют веревками.»

Старушки у Лавры крестятся. К обстрелам привыкли, а за человека с рулеткой не страшно...».

«Заводскую железную дорогу около Лавры задекорировали под Неву, создали водонепроницаемое «корыто» (из всего что попало...) и залили все водой. Даже очень красиво!».

«Охтинскому мосту придали вид разрушенного бомбежкой. Архитекторы выигрывают бескровную битву за мосты Ленинграда всеми способами!».

Осень 1942 года. Стационар архитекторов

«Появляются подрамники генерального плана Ленинграда, и, хотя город еще фронт, уже проектируют новый Гостиный Двор и многие гражданские здания, говорят о новом центре города по проспекту Стачек!.. Неужели центр будет там?».

Ноябрь 1942 года

«Начата работа по восстановлению разрушенных зданий. Осуществление первых проектов идет необычно. На фанере в натуральную величину рисуют будущие фасады. Развалины “одеты” разрисованными фанерными щитами, и дома стоят макетами своего будущего, доставляя авторам редчайшую возможность проверить в натуре достоинства и недостатки проекта... Так на Невском, 30; улица Гоголя, 4 — это первые ласточки возрождения».

*Стационар гостиницы «Астория»,
творческой интеллигенции Ленинграда*

«Отец находится здесь после контузии. Пустили к нему. Медсестра оставила на концерт меня. Концерт будет после “обеда”, и меня покормят тоже. Тихими шагами, еле-еле перебирая ногами, подошел к роялю В. Софроницкий. Играл Рахманинова, Чайковского, Скрябина, до этого “играл” на нарисованной клавиатуре. “Играл” каждый день, даже когда лежал.

После концерта все отложили ему по ложке своего “обеда”. В. Софроницкий с трудом согласился взять...». На всю жизнь В. Софроницкий остался для меня самым любимым пианистом.